

ДЖЕК ЛОНДОН

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В
ВОЗДУШНОМ МОРЕ

Джек Лондон

Приключение в воздушном море

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128354

Аннотация

«Я отставной капитан воздушных морей. Иными словами, когда я был помоложе (а с тех пор прошло не так уж много лет), я был аэронавтом и плавал в воздушном океане, какой окружает нас и протекает над нашими головами. Конечно, это опасная профессия, и, разумеется, я пережил немало страшных приключений, и вот о самом жутком или, во всяком случае, самом мучительном я собираюсь сейчас рассказать...»

Джек Лондон

Приключение в воздушном море

An Adventure in the Upper Sea (1899)

* * *

Я отставной капитан воздушных морей. Иными словами, когда я был помоложе (а с тех пор прошло не так уж много лет), я был аэронавтом и плавал в воздушном океане, какой окружает нас и протекает над нашими головами. Конечно, это опасная профессия, и, разумеется, я пережил немало страшных приключений, и вот о самом жутком или, во всяком случае, самом мучительном я собираюсь сейчас рассказать.

Случилось это еще до того, как я стал работать с баллонами, наполнявшимися водородом, с двойной оболочкой из блестящего шелка с подшивкой, – баллонами, приспособленными для путешествия в несколько дней, а не часов. В те дни я поднимался на воздушном шаре «Маленький Нассау», названном так в память «Великого Нассау», который был у меня много лет назад. Шар был приличных размеров, напол-

нявшийся нагретым воздухом, с одной оболочкой. Он держался в воздухе около часу и мог подняться на высоту одной мили или больше. Это вполне отвечало моим целям, так как в те дни я занимался прыжками на парашютах с высоты полумили в увеселительных парках и на деревенских ярмарках. Я жил в Окленде, калифорнийском городе, заключив на лето контракт с городской железнодорожной компанией. Этой компании принадлежал большой загородный парк, и в их интересах было устроить там приманки для привлечения горожан, отправлявшихся подышать свежим воздухом. По контракту я должен был подниматься два раза в неделю, и мой номер служил главной приманкой; в дни полетов парк бывал набит битком.

Для того чтобы вам стали понятны дальнейшие события, я должен объяснить устройство шара, наполненного нагретым воздухом и употреблявшегося для прыжков с парашютом. Если когда-нибудь вам приходилось наблюдать такие прыжки, вы вспомните, что сейчас же после того, как парашют отрезан, шар переворачивается вверх дном, освобождается от дыма и нагретого воздуха, сплющивается и падает вниз, прямо на лежащий на земле парашют. Таким образом, не приходится покрывать мили в погоне за брошенным шаром – вы экономите время и избавляетесь от хлопот. Это достигается грузом, который привешивается на конце длинной веревки к верхушке шара. Аэронавт со своим парашютом и трапецией висит у дна шара и удерживает его в равновесии, так как

перевешивает тяжесть груза. Когда же он прыгает, груз, привязанный к верхушке, немедленно тащит верхушку вниз, а дно, с открывшимся отверстием, поднимается вверх и извергает нагретый воздух. Для этой цели на «Маленьком Нассау» грузом служил мешок с песком.

В тот день, о каком я говорю, в парке собралось на редкость много народу, и полиции, удерживавшей напор людей, много пришлось поработать. Мужчины, женщины и дети протискивались вперед, толкались и напирали на веревки, служившие оградой. Выйдя из уборной, я заметил двух девочек лет четырнадцати и шестнадцати по ту сторону веревки, а внутри веревочного ограждения стоял мальчуган лет восьми или девяти. Они держали его за руки, а он, смеясь, отчаянно боролся, стараясь вырваться. Тогда я не обратил на это внимания – просто детская игра; и только в свете последующих событий эта сцена отчетливо мне вспомнилась.

– Прогони их отсюда, Джордж! – крикнул я своему помощнику. – Еще что-нибудь случится...

– Хорошо, – ответил он. – Все будет сделано, Чарли.

Джордж Геппи постоянно помогал мне при полетах; это был человек хладнокровный, рассудительный и заслуживающий полного доверия, и я привык слепо отдавать в его руки свою жизнь. В его обязанности входило следить за надуванием шара и за полной исправностью парашюта.

«Маленький Нассау» был уже наполнен воздухом и тянулся вверх, натягивая канаты. Парашют лежал на земле рядом

с трапецией. Я бросил в сторону пальто, занял свое место и дал сигнал отпускать канаты. Как известно, первый толчок, отрывающий шар от земли, всегда бывает внезапным, а на этот раз шар, подхваченный ветром, резко накренился набок и выпрямлялся дольше обыкновенного. Я смотрел вниз, на хорошо знакомую картину, уплывавшую от меня. Я видел тысячи людей; все молчаливо глядели вверх. И это молчание удивило меня: казалось, прошло уже достаточно времени, чтобы они успели перевести дух и разразиться, по обыкновению, громом аплодисментов. Но сейчас не слышно было ни рукоплесканий, ни свистков, ни ободряющих возгласов – толпа молчала. И ясно и отчетливо, как звон колокола, без малейшей дрожи и трепета, донесся до меня голос Джорджа, кричавшего в рупор:

– Спустись с ним, Чарли! Спустись с шаром!

Что случилось? Я махнул рукой в знак того, что расслышал его слова, и стал размышлять. Может быть, что-нибудь неладное случилось с парашютом? Зачем мне спускаться с шаром, вместо того чтобы сделать прыжок, которого ждут тысячи людей? В чем дело? И пока я недоумевал, на меня свалилась еще одна неожиданность. Земля была внизу, на расстоянии тысячи футов, и однако я услышал тихий плач ребенка, по-видимому хныкавшего совсем неподалеку от меня. И хотя «Маленький Нассау», как ракета, несся к небу, плач ничуть не ослабевал. Признаюсь, я совсем потерял голову, как вдруг, невольно взглянув туда, откуда доносился

плач, я увидел над своей головой мальчика, сидевшего верхом на мешке с песком – на том самом мешке, какой должен был опустить «Маленького Нассау» на землю.

Это был тот самый мальчуган, который боролся с двумя девочками – его сестрами, как я впоследствии узнал.

Теперь он был тут, верхом на мешке, и крепко вцепился в веревку. Ветер слегка наклонил шар, и мальчик откатнулся вместе с шаром на десять-двенадцать футов в сторону, а затем с силой ударился в плотную оболочку аэростата; даже я, находившийся на тридцать пять футов ниже, почувствовал сотрясение. Я думал, что он от удара разжал руки, но он все еще держался и хныкал. После мне рассказали: в тот самый момент, когда отпускали канаты, мальчуган вырвался из рук сестер, подлез под веревку и преспокойно вскочил на мешок с песком. Мне всегда казалось чудом, что его не сбросило при первом толчке.

Я поглядел на него и почувствовал себя совсем скверно. Тут я понял, почему шар выпрямлялся дольше обыкновенного и почему Джордж крикнул мне, чтобы я спускался с шаром. Спустишь я на парашюте, шар сейчас же перевернулся бы вверх дном, выпустил воздух и стремительно упал вниз. Единственная надежда заключалась в том, что я спущусь на нем, а мальчуган сумеет удержаться. У меня не было никакой возможности до него добраться. Ни один человек не смог бы влезть по легкому закрытому парашюту, а если бы даже ему и удалось добраться до отверстия шара – что делать дальше?

Вверху, на расстоянии пятнадцати футов, мальчик раскачивался на своем неустойчивом насесте, и эти пятнадцать футов были непреодолимы.

Все это промелькнуло в моей голове гораздо быстрее, чем я здесь передаю. В одну секунду я понял, что необходимо отвлечь внимание мальчика от опасности, какой он подвергался. Поэтому я пустил в ход все свое самообладание и, стараясь скрыть свое беспокойство, весело сказал:

– Эй, ты, там, наверху! Кто ты такой?

Он посмотрел на меня вниз, глотая слезы, и просиял, но как раз в эту минуту шар попал во встречное течение воздуха, сделал полуоборот и наклонился. Мальчик стал раскачиваться назад и вперед и снова ударился об оболочку. Тут он опять расплакался.

– Не правда ли, великолепно? – беззаботно спросил я, словно это было самой приятной прогулкой, и, не дожидаясь ответа, прибавил: – Как тебя зовут?

– Томми Дермот, – ответил он.

– Рад с тобой познакомиться, Томми Дермот, – продолжал я. – Хотел бы я знать, кто тебе позволил подняться со мной?

Он рассмеялся и сказал, что ему захотелось полетать так просто, для забавы. Мы продолжали перебрасываться словами, а я дрожал от страха за него и напрягал мозг, чтобы поддерживать разговор. Я знал, что только это я для него мог сделать, только это, и его жизнь зависела от того, удастся ли мне его отвлечь. Я указал ему на великолепную пано-

раму, раскинувшуюся до самого горизонта, на четыре тысячи футов ниже нас. Словно большое, тихое озеро, дремал залив Сан-Франциско, над городом вилось облако дыма, дальше виднелись Золотые Ворота и туманная полоса океана, а над всем этим высилась гора Тэмелпайс, отчетливо и резко выделяясь на фоне неба. Как раз под нами я заметил кабриолет; казалось, он еле полз, но я знал по опыту, что люди, сидящие в нем, гонят лошадей во всю прыть вслед за нами.

Но ему надоело обозревать окрестности, и я увидел, что он начинает бояться.

– Хотелось бы тебе быть воздухоплавателем? – спросил я.

Он сразу встрепенулся и спросил:

– А вам хорошо платят?

Но «Маленький Нассау», охлаждаясь, стал медленно спускаться. Он попал в воздушные течения, и его стало сильно трепать. Мальчик начал быстро раскачиваться, а один раз очень сильно ударился об оболочку шара. Губы у него задрожали, и он снова заплакал. Я старался шутить и смеяться, но это не помогало. Его мужество испарялось, и каждую секунду я готовился увидеть, как он стрелой пролетит мимо меня. Я был в отчаянии. Затем внезапно я вспомнил, как один испуг можно уничтожить другим; я поднял голову, нахмурился и строго крикнул:

– Ты там смотри! Держись за веревку! А не то я тебя так отлуплю, что ты у меня своих не узнаешь! Дай только спуститься на землю! Понял?

– Д-д-д-да, сэр, – захныкал он, и я увидел, что лекарство подействовало. Земля была дальше, чем я, и меня он боялся больше, чем падения.

– Ты там ловко устроился на мягком мешке, – болтал я. – А вот у меня перекладина, и твердая, и сидеть на ней больно.

Тут ему пришла в голову одна мысль, и он совсем позабыл о том, что у него болят пальцы.

– Когда же вы прыгнете? – спросил он. – Ведь я затем и поднялся, чтобы посмотреть.

Мне было жаль его разочаровывать, но прыгать я вовсе не собирался. Но тут он стал возражать.

– Так было сказано в газетах, – заявил он.

– А мне нет никакого дела, – ответил я. – Я что-то сегодня разленился и думаю спуститься вместе с шаром. Шар – мой, и я могу поступить так, как мне заблагорассудится. А теперь мы уж почти спустились.

Действительно, мы спускались, и очень быстро. А тут как раз мальчуган начал со мной спорить, имею ли я право разочаровывать публику, и доказывал справедливость их требований. А я, счастливый и довольный, поддерживал разговор, оправдываясь на тысячи ладов, пока мы не пронесли над рощей эвкалиптов и не нырнули к земле.

– Держись крепко! – крикнул я, повиснув руками на трапедии, чтобы коснуться земли ногами.

Мы скользнули над гумном, благополучно миновали веревку с бельем, развешанным для просушки, навели панику

на птичник и снова поднялись над стогом сена – все это произошло, пожалуй, еще быстрее, чем я рассказываю.

Затем мы опустились в фруктовый сад, и когда мои ноги коснулись земли, я два раза обмотал трапецию вокруг яблона, чтобы укрепить шар.

Мне приходилось висеть на карнизе десятиэтажного дома, однажды мой шар загорелся в воздухе, в другой раз я шестьсот футов летел как пуля, так как мой парашют не сразу открылся, но мне не приходилось еще испытывать такой слабости и головокружения, как тогда, когда я, шатаясь, подошел к мальчику, оставшемуся невредимым, без единой царапины, и схватил его за руку.

– Томми Дермот, – сказал я, когда кое-как собрался с духом. – Томми Дермот, сейчас я тебя разложу на своих коленях и закачу такую трепку, какой ни один мальчик в мире никогда еще не получал!

– Нет, вы этого не сделаете, – закричал он, вырываясь. – Вы сказали, что не сделаете, если я буду крепко держаться.

– Пусть так, а все же я тебя высеку! Те, кто подымается на воздушном шаре, – люди скверные и беспринципные, и сейчас я тебе дам хороший урок, чтобы ты впредь держался подальше и от них, и от воздушных шаров.

Тут-то я преподал ему урок; и если это была и не самая здоровая трепка в мире, то, во всяком случае, такой он еще не получал.

Но после этого приключения из меня словно весь перец

вытряхнули, и нервы совсем расшатались. Я порвал контракт с городской железнодорожной компанией, а затем, позже, стал работать с газом. Газ, во всяком случае, гораздо безопасней.